

13. Бизнес в Интернете [Электронный ресурс] // ЗАО «Белбизнеспресс». «Экономическая Газета». – Режим доступа : <https://neg.by/novosti/otkrytj/biznes-v-internete-igraem-po-pravilam>. – Дата доступа : 11.03.2020.

Поступила в редакцию 19.03.2020

В. Н. Усоский

ЛИБЕРАЛИЗМ VERSUS АНАРХО-ЛИБЕРТАРИАНСТВА

В статье анализируется традиция либерализма, из трансформации которой в период бурного развития информационно-коммуникативных технологий получает второе дыхание концепция анархо-либертарианства, предлагающая образ виртуальной реальности в экономике, построенной по модели пиринговых одноранговых сетей. Модель анархо-либертарианства исключает иерархию общества и права исключительного суверенитета государства, на которых базируется фискально-монетарный траст, воплощенный в системе банковского посредничества и бюджетно-финансовом механизме сбора государством налогов и осуществления расходов.

Индустриальная экономика – это машинное производство товаров для продажи на неизвестный массовый рынок. Техногенная структура промышленности создала механизм повышения производительности наемного труда и капитала. Для развития индустрии требовались новые источники энергии, которые, последовательно вытесняя старые (дрова, торф, уголь, электроэнергия, нефть, газ, атомная энергия), способствовали вовлечению в производство растущих объемов ресурсов. Под инновационные технологии индустрии подводились новые источники энергии. Технологический базис массового промышленного производства нашел свое воплощение в сборочном конвейере, на основе которого была создана потогонная система труда капиталистической фабрики. Стандартизация продукции, массовость производства и продаж, взаимозаменяемость ресурсов стали отличительными чертами индустрии. Вертикально интегрированная структура корпорации рождена спецификой организации труда наемных работников и управления индустриальными технологиями.

Смит (1723–1790) исследовал мануфактурную стадию развития капитализма, основанную на ручном труде и разделении труда среди работников внутри мануфактуры. Экономическая теория анализировала способ соединения факторов производства в капиталистической мануфактуре. Рикардо (1772–1823) и Сэй (1767–1832), исследовавшие индустриальную систему машинного производства, вывели технологическую парадигму соединения наемного труда и капитала. Классики, заложившие основы либерализма, исходили из фундаментальной мировоззренческой интуиции нерегулируемого государством стихийного рынка. Либерализм инстинктивно опасался и интуитивно не принимал систему иерархических взаимосвязей между государством и субъектами рынка. Государство жестко противопоставлялось

субъектам рынка, их рассматривали как антиподы, параллельно существующие в обществе. Классики видели в иерархической системе общества, где ключевую роль играло государство, нечто крайне подозрительное. Исходя из принципов механистического рационализма, на которых строилась абстрактная модель рыночной экономики, выработалось устойчивое представление, что иерархия общества – это инородное образование. Государство не должно воздействовать на рынок, так как частные интересы автономных индивидов автоматически приводят к реализации общественного блага, исходя из действия «невидимой руки рынка». Классики создали концепцию «чистой экономики», которая, как им представлялось, адекватно отражает действительность вне искажающего абстрактную модель рынка воздействия иерархии общества и государства. Общество было механистически сведено к совокупности неэкономических факторов, жестко обособленных от «чистой рыночной экономики».

Классическая политэкономия переросла в неоклассическую теорию, породив либерализм XIX в., в основе которого лежало амбивалентное мышление. Оно фиксировало наличие государства как субъекта общества, однако исключало его из анализа «чистой рыночной экономики». «Со скрипом в зубах» выработалась позиция признания государства и иерархии общества при одновременном отрицании необходимости их воздействия на объект регулирования. Такая противоречивая позиция вела классическую и неоклассическую теорию к вопиющей двусмысленности. Имплицитно предполагалось, что для «чистой рыночной экономики» было бы лучше, чтобы государства не существовало вообще. Однако пока оно по каким-то не рациональным причинам все же существует, предпочтительнее, чтобы государство не вмешивалось в рынок.

Сэй разработал закон рынков, ставший обоснованием рациональному функционированию «невидимой руки» Адама Смита. Парадоксальная двусмысленность классической школы выражалась в том, что стихия рынка была зажата механистическим равновесием и тотально рационализована в законе Сэя. Согласно данному закону предложение товаров автоматически создает спрос на них, а потому отсутствуют причины возникновения кризиса перепроизводства. Теоретические рекомендации классиков не являлись просто пожеланием правительству. Они возводились в ранг императивного долженствования, которое предъявлялось государству интеллектуалами ведущего экономического учения. Считалось само собой разумеющимся, что государство не должно регулятивно воздействовать на рынок, так как практически любая форма регулирования означает неадекватное вмешательство в действие рыночных механизмов. Либерализм субъективно не принимал *права исключительного суверенитета*, которые внутренне присущи государству в экономике, т.е. монопольное право на эмиссию национальных денег и монополию на изъятие налогов и распределение расходов госбюджета по бюджетополучателям.

Субъективное нежелание мириться с объективно существующей иерархией общества и государством как его субъектом привело классическую и неоклассическую теорию к отрицанию практики регулирования государством спонтанного рынка. Иерархия является законом функционирования общества и экономики как упорядоченной системы отношений. Горизонтальные отношения субъектов рынка находятся в необходимой связи с вертикальными отношениями «государство – рыночные субъекты», составляя сложно организованное органическое целое. Экономическая теория произвела неадекватное механистическое отсечение общества от государства, общества от рыночной экономики, государства от рыночной экономики. Эти пары понятий жестко противопоставлялись друг другу, превращаясь в антиподы.

До Великой депрессии (1929–1939) представлялись ошибочными следующие утверждения. Рынок – это социальная конструкция людей, которую нельзя отрывать, а тем более жестко противопоставлять экономике, а потому государство может и просто должно регулировать рынок, особенно в условиях его кризисного падения. Эти утверждения воспринимались в экономической теории как то, что близко к ереси, т.е. жесткому противлению истине. Установки мышления классиков и неоклассиков базировались на фундаментальных интуициях, которые придавали теории амбивалентное содержание. Двусмысленность теории формировала тенденцию скольжения либерализма к анархизму. Развитие либеральной методологии рано или поздно породило свое законнорожденное дитя – *идеологию анархо-либертарианства*.

В процессе индустриализации XIX в. были созданы два важных элемента рыночной экономики – двухуровневая банковская система и бюджетно-финансовая система государства. Однако, несмотря на органический процесс их внутриутробного возникновения, экономическая теория не замечала функционирования и растущего воздействия этих элементов на рыночную экономику. Теория не видела необходимости использования государством денежно-кредитных и бюджетно-финансовых инструментов для регулирования рыночной экономики. В рамках данной традиции существовало табу на вмешательство государства в *спонтанность рыночного порядка*. Это упорство было обусловлено ошибочным представлением о существовании *симметрии спроса и предложения на товары и деньги через гибкие цены (процентные ставки, заработную плату)*. Эта априорная конструкция воплотилась в законе Сэя, в котором постулировалось, что предложение автоматически создает спрос на товары и ведет к равновесию доходов и расходов. Считалось, что процентные ставки гибко связывают сбережения с инвестициями, не создавая проблем для деятельности банковской системы, успешно посредничающей на рынке денег и капитала.

Экономика представлялась как бартерная система обменов, где деньги используются как пассивное опосредующее средство. Классики создали теорию, в которой не проясненной оставалась сложность проблем распределения дохода субъекта на фонды потребления и сбережения, использования сбережений банками, кредитующими фирмы нефинансового сектора.

Неоклассики создали механистическую теорию рыночного равновесия, согласно которой гибкие цены незначительно отклоняются от равновесия, тяготея к нему. Симметрия спроса и предложения на рынках является следствием рациональных действий экономического человека. Однако неоклассики не смогли дать убедительных разъяснений по «зависающим» вопросам циклических кризисов перепроизводства.

Экономическая наука сводилась к одной из своих частей (микроэкономике). В ней отсутствовали предмет макроэкономики и макроэкономическая методология. Абстрактная дедуктивная наука игнорировала эмпирические факты действительности – периодически возникающие общие кризисы перепроизводства товаров. Упорное непризнание фактов влекло за собой отрицание циклического развития рынка и необходимости сглаживания циклических колебаний посредством проведения государством макроэкономической политики. Дедуктивная методология исключала объективный анализ эмпирических фактов, а потому теория не признавала необходимости регулирования государством рыночной экономики.

Отрицание необходимой и существенной связи между иерархией общества, государства и рыночной экономикой имело своим объективным следствием игнорирование кредитного характера денег и роли Центрального банка в двухуровневой банковской системе. Происхождение денег представлялось классиками как необходимое следствие бартерного обмена товаров, вследствие чего возникают товарные (золотые, серебряные, медные) деньги. Внеисторическое мышление классической школы исходило из идеи, что натуральная экономика сама по себе эволюционируя, автоматически перерастает в саморегулирующийся рынок в условиях насильственного уничтожения иерархического феодального общества. Классики полагали, что человек по природе своей представляет собой рациональный субъект, который сдавлен принудительной иерархией феодального общества. Однако достаточно лишь ликвидировать деспотическую иерархию феодализма, и рациональная природа человека будет высвобождена для раскрытия своих неисчерпаемых способностей к творчеству. Столь наивное представление о *природе человека* порождало неприязненное отношение к иерархии общества и государства, которые превратились в вековое предание.

Необходимо отметить, что западноевропейская философия и политическая экономия только в XVIII в. рождают идею саморегулирования общественных отношений как существенного элемента мировоззрения автономного человека Нового времени. Солидаристскому человеку докапиталистических формаций принцип саморегулирования был бесконечно чужд и внутренне непонятен. Принцип саморегулирования рыночной экономики в рамках классической методологии мышления исключал роль государства в иерархии общества и саму возможность его регулятивного воздействия на экономику. Мышление неоклассиков не распознало активной роли государства в создании индустриальной экономики и двух его неотъемлемых атрибутов – двухуровневой банковской системы и бюджетно-финансовой системы.

Неоклассики вслед за классиками включили *товарные (бартерные) деньги* в механистическую модель симметричного рынка, построенную на равновесии спроса и предложения. Симметрия спроса и предложения рождает саморегулирование рынка, неоклассики не могли адекватно объяснить роль и место на нем банковской системы, эмитирующей кредитные деньги для платежеспособных заемщиков. Поэтому банки оказались неким неорганическим придатком к бартерной равновесной экономике. В рамках неоклассической парадигмы мышления двухуровневая банковская система и кредитные деньги были рационально не объяснимы, так как их сущность не совмещалась с исходными интуициями бартерного равновесия. Неоклассики дали специфическую интерпретацию рынка ссудного капитала в равновесной модели рыночной экономики. Ее построили на основе упрощенного анализа поведения домашних хозяйств, которые действуют, исходя из мотива отказа от текущего потребления дохода, получая процентное вознаграждение в будущем за воздержание сейчас. Гибкие процентные ставки делают эффективным функционирование рынка ссудного капитала, поэтому банки без проблем переводят сбережения в инвестиции.

Кейнс (1883–1946) подверг критике тезис неоклассиков о том, что ставка процента есть плата за воздержание от текущего потребления дохода. Ученый ставил под сомнение связь сбережений с уровнем процента, предложив рассматривать процент как плату за расставание с ликвидностью. Индивид решает, какую часть дохода сберечь, что зависит от величины его дохода, а также от того, в какой форме держать сбережения (наличность, депозиты, ценные бумаги и различные срочные инструменты). Под процентом понимается премия за риск, вознаграждение за потерю ликвидности. Норма процента определяется не только предпочтениями индивида, но и совокупностью макроэкономических факторов, которые неоклассики не принимали во внимание. Предложение денег определяется помимо микроэкономических факторов, связанных с динамикой отношений «заемщики – банки – депозиторы», также решениями правительства и Центрального банка. В 30-х гг. XX века в очередной раз в истории был отменен золотой стандарт, поэтому Кейнс исследует роль и место двухуровневой банковской системы в макроэкономике и ее воздействие на рынок ссудного капитала. Он пересматривает трактовку сущности кредитных денег.

Австрийская школа в лице Мизеса и Хайека еще до выхода в свет работы Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) внесла существенный вклад в исследование функционирования бизнес-цикла и рынка капитала, проанализировав условия, при которых закон Сэя временно перестает действовать. Однако Хайек был убежден, что любое вмешательство государства в экономику есть зло, поэтому его концепция внутренне близка к неоклассической теории.

Государственное регулирование рынка рассматривалось классиками и неоклассиками как неадекватное вмешательство государства в функционирование спонтанных механизмов спроса и предложения. Иерархия общества

и государство представлялись структурами, не укорененными в экономике. Поэтому они не чужды свободному рынку. Идея классиков о спонтанном саморегулировании рынка при гибких ценах доминировала в науке вплоть до Кейнса. Рыночный фундаментализм неоклассической теории с естественной неотвратимостью привел к долгосрочной Великой депрессии (1929–1939), значительному спаду ВВП и массовой застойной безработице. Вызрела необходимость изменения фундаментальных основ классической теории, что реализовал Кейнс в «Общей теории занятости, процента и денег».

Наступление информационной эры связано с возникновением пост-индустриальной экономики, которая производит нематериальные услуги, трансформируя технологические основы промышленного производства товаров, используя компьютерные технологии удаленного доступа. В XXI в. создаются цифровые технологии, применение которых позволило производителям повысить качество маркетинговых стратегий фирм за счет сбора и обработки гигантских потоков персональных данных людей. Производители обрабатывают, классифицируют, группируют информацию, формируя персональные базы данных (Big Data) покупателей товаров и услуг для их коммерческого использования. Информационно-коммуникативные технологии (ИКТ – аналог IT) создают средства удаленного доступа, порождая опосредованный тип коммуникаций между людьми, который существенно отличается от непосредственных контактов людей. Современные тенденции развития технологического прогресса ломают сложившиеся представления человека об окружающем мире, обществе, экономике. В умах людей происходит пересмотр либеральных идей, бывших ранее доминантными. В среде интеллектуалов привлекательность приобретает анархо-либертарианские представления о развитии общества и экономики.

Технологические компании Big Tech (агрегаторы Uber, Airbnb, Facebook, Google, Alibaba), используя платформенное построение бизнеса, создают глобальные отраслевые рынки, генерируя сетевой эффект роста коммуникаций и доходов. Формируются новые бизнес-модели фирм, которые построены на активном манипулировании поведением массового потребителя на рынке. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) активно используются для анализа персональных данных клиентов, для принятия решений по продаже товаров и услуг, проведения операций на финансовых рынках. Совершенствование ИИ представляется технократами как технологический прогресс, позволяющий воплотить идею тотальной алгоритмизации поведения человека в экономике. Широкое применение IT вдохнуло жизнь в прогрессистскую идею автоматизма саморегулирования рынка посредством симметрии спроса и предложения товаров и услуг. Механистические представления сциентизма о тотальной алгоритмизации поведения людей приводят к естественному выводу об отсутствии у человека свободы воли.

Философ Маршалл Маклюэн (1911–1980) отмечал взрывной характер технологий, когда «взрыв» направлен внутрь человеческой сущности. Взрывные технологии значительно расширяют функциональные возможности

человека, они радикально изменяют коммуникации между людьми, способствуя внешней экспансии человека (The Extensions of Man) с целью изменения окружающей его общественной и природной среды. «Электронное общество» ведет к созданию «глобальной деревни», которая задает с помощью средств информационных коммуникаций многомерное восприятие мира по типу восприятия акустического пространства.

Создавая людям возможности удаленного доступа в интерактивных коммуникациях, ИКТ опосредуют бизнес-процессы фирм. Это в определенном отношении упрощает взаимодействие людей, но вместе с тем усложняет сетевые коммуникации, увеличивая неопределенность и принося множество новых рисков неизвестных человеку индустриальной экономики. Экономические отношения между субъектами строятся на опосредующем электронном взаимодействии, персональных базах данных, программном обеспечении обработки и анализа данных, системе защиты персональных данных клиентов. Это реализуется в сфере электронной коммерции и банкинге.

ИКТ оказывают воздействие на радикальную трансформацию общества. Расширяются возможности государства и корпораций активно манипулировать поведением массового потребителя. Эта тенденция оказывает значимое воздействие на процесс самоидентификации человека, остро ставит проблему персонификации и свободы воли личности. Бурно изменяющаяся социально-экономическая среда воздействует на природу человека, активно влияя на формирование его жизненного уклада в мире техногенных мегаполисов. Человек инстинктивно стремится защитить себя от вызова технологической эпохи, которая несет угрозу тотальной манипуляции его жизнью.

Перед экономической наукой встает закономерный вопрос: «Как объяснить новые общественные тенденции развития?». Необходимо осмысление воздействия ИТ на развитие рыночной экономики и поведение субъектов рынка. Волны техногенных инноваций бросают вызов экономической науке. Ей следует корректно поставить вопросы и научно сформулировать проблемы, требующие достоверных ответов. Без этой предварительной постановочной и «вопрошающей» работы науки, которая необходима для корректного анализа новых тенденций развития общества, невозможна формулировка адекватных ответов на возникающие вопросы. Сущность техногенных изменений в экономике необходимо четко определить в категориях науки, осознав их место и роль в социально-экономической системе. В обществе бытует широкий спектр мнений, которые построены на не всегда ясно определенных, а порой смутных представлениях о природе интерактивной цифровой реальности, изменяющей формат индустриальной действительности, с которой привык иметь дело *индустриальный человек*. Опосредованные цифровыми технологиями коммуникации людей активно вытесняют непосредственные персональные контакты человека с человеком.

В сознание субъектов рынка прочно вошло словосочетание *виртуальная реальность* (virtualis – возможный), содержание которого необходимо прояснить. Виртуальная реальность означает мнимость явления, которая имитирует его содержание. Зачастую виртуальную реальность сводят исклю-

чительно к технологической системе удаленных коммуникаций между людьми в компьютерных сетях интернет-пространства. Мы считаем, что нельзя отождествлять виртуальную реальность с технологиями удаленного доступа, которые помогают поддерживать взаимодействие людей в компьютерных сетях. Такое отождествление означает подмену понятий, что ведет к ошибочным суждениям. Если коммуникации между людьми в системе удаленного доступа не нарушают алгоритмов действия рыночного механизма в условиях иерархии общества (безусловность исполнения двусторонних обязательств между субъектами рынка и государством, принцип идентификации субъектов и их законные права и интересы), то эти коммуникации не являются виртуальными.

Данные коммуникации между людьми возникают в системе удаленного доступа, когда сетевая система отношений погружается в стихию неопределенности, давая сбой. Происходит нарушение алгоритмов действия рыночного механизма. Субъекты перестают идентифицироваться, так как становятся анонимными, а потому не выполняют безусловные обязательства перед контрагентами и государством, нарушают их законные права и интересы. Порядок исполнения двусторонних безусловных обязательств между субъектами рынка и государством подрывается. Происходящие фундаментальные нарушения иерархии общества и государства приводят к деструктивному взаимодействию между субъектами, делая рынок «серым». Нельзя смешивать содержание технологической системы, используемой для создания коммуникаций удаленного доступа в компьютерных сетях, с нарушением алгоритмов функционирования экономических отношений между людьми, что создает виртуальную реальность. Это ведет к ошибочной подмене понятий и неверному представлению о сущности экономики.

Нефизическая реальность – это самая широкая общая категория, имеющая две формы: эмпирической функциональной (результативной) и виртуальной реальности (игровой нерезультативной), ведущей к деструкции. Соответственно, первая форма ведет к порядку, а вторая создает хаос и взлом иерархии общества. Человек с помощью ИКТ создает нефизическую реальность, которая является средой опосредованных информационных коммуникаций, выступая антиподом физическому бытию. Использование ИКТ в платформенной модели бизнеса позволяет повышать эффективность деятельности инновационных фирм. Они ведут конкурентную борьбу с консервативными фирмами, подрывая традиционные устои их деятельности, взламывая структуру отраслевых рынков. Это продемонстрировали агрегаторы платформ технологических компаний Big Tech (Uber, Airbnb, Facebook, Google, Alibaba). В банковской системе возникли цифровые онлайн-банки (Тинькофф банк), которые не имеют физических отделений. Они ужесточили конкуренцию с традиционными банками на финансовом рынке. За относительно небольшое время рынок оценил эффективность развития технологических компаний и цифровых банков согласно росту капитализации их бизнеса.

Являясь физикалистом, человек индустриальной эпохи привык к формату непосредственно ощущаемой физической реальности, существование которой для него самоочевидно, так как она идентифицируется опытным путем посредством пяти органов чувств и рассудочно осмысливается. Технологии удаленного доступа при определенных условиях, нарушающих алгоритмы рынка и иерархию общества, приводят к виртуализации экономики. Происходят существенные изменения представлений *цифрового человека*, погруженного в стихию виртуального пространства. В своем сознании он подменяет критерии идентификации и персонификации субъектов экономики, в соответствии с чем рождается принципиально иное (виртуальное) представление о природе экономических отношений. Игровая имитация действительности с помощью ИКТ, что широко используется в построении компьютерных игр, позволяет формировать виртуальную (условную) реальность, которая имеет тенденцию превращаться в *мнимость*. Игровой виртуальный мир сталкивается с действительностью практической деятельности людей, живущих в условиях иерархии общества, которая воплощается в экономических результатах создания добавленной ценности. Иерархия общества в экономике налагает конструктивные ограничения на поведение людей, чего не приемлет виртуальная реальность.

Игровая имитация факта вне иерархии общества и факт как таковой в конструктивной человеческой практике в условиях иерархии общества принципиально несовместимы. Игровой виртуальный мир исключает безусловное исполнение обязательств субъектов и их идентификацию в условиях иерархии общества. В этом случае формируется имитационная игровая реальность, в рамках которой возникает проблема определения того, что есть эмпирический факт и какова его природа. Совмещение виртуальной реальности с экономической действительностью значительно усложняет восприятие мира явлений человеком, его идентификацию происходящего, ориентацию человека в изменяющемся мире и поведение в нем. Использование ИКТ при условии плавного перетекания жизни в игру создает возможность подменить природу человека «*человеком играющим*».

Долгое время анархо-либертарианство было маргинальным учением, исповедуемым в узких кругах интеллектуалов. Однако за последние 30 лет оно стало превращаться в крепнущее движение криптоэнтузиастов. Динамичное развитие IT и Интернета привело к изобретению технологии блокчейн, в рамках которой была создана первая криптовалюта – биткоин (2009). За 10 лет число криптовалют превысило 1500. Мировой экономический кризис (2008–2009) и банкротство сотен крупнейших банков, которые продавались на рынке по низким, почти условным ценам, подлили масла в огонь критики государственных институтов. Анархо-либертарианцы стали продвигать в общественном сознании криптовалюты как альтернативу банковской системе, которую необходимо заменить *одноранговой экономикой*, построенной вне иерархии общества и государства. Они предлагают создать систему *P2P* (*peer to peer* – *пэр пэру*) платежей, заменив банковскую систему как негодный институт финансового посредничества. По их мнению, бан-

ковская система не способная эффективно выполнять свои функции, стоит на пути технического прогресса, препятствуя тотальной цифровизации экономики. Кriptoэнтузиасты утверждают, что будущее уже наступило, так как в настоящем просматриваются элементы будущей виртуальной информационной экономики, построенной по модели *пиринговых одноранговых сетей*, где исключены иерархия общества и государство.

Анархо-либертарианство – это наследник либерализма, взявший из его теоретического арсенала пять ключевых принципов. Во-первых, неприятие государства и иерархии общества, которые не имеют необходимой связи со спонтанным рынком, а потому исключаются из анализа целостной системы общества. Во-вторых, спонтанная эволюция рынка из недр натурального хозяйства без учета воздействия на этот сложный процесс системы разнообразных институтов (государство, политика, религия, культура, этика). В-третьих, теория прогресса, заложившая фундаментальный сдвиг в мировоззрении и поведении людей, что привело к созданию техногенной цивилизации. В-четвертых, бартерная (некредитная) природа денег. В-пятых, отрицание роли банков в эмиссии кредитных денег как безусловных обязательств и требований.

Из поля анализа классической и неоклассической школы выпало важнейшее обстоятельство – устойчивая, существенная и необходимая причинно-следственная взаимосвязь между изъятием государством налогов у налогоплательщиков в госбюджет, которые они вынуждены оплачивать универсальными деньгами, эмитированными государством. Метрологическая система универсальных мер весов драгоценных (золото, серебро) и недорогих металлов (медь), используемых для чеканки денег, – атрибут, внутренне присущий государству. Исторически платежи налогов и создание денег в обществе находятся под монопольным контролем государства. *Фискально-монетарный траст*, вытекающий из *прав исключительного суверенитета государства*, возникает с древнейших времен зарождения государственных институтов. Этот траст является структурной сердцевиной иерархии общества, условием функционирования экономики. Без него общество рассыпается, превращаясь в бесструктурный хаос, в котором начинается «борьба всех против всех».

Анархо-либертарианство сформировалось на основе традиции либерализма, существенно изменив его принципы в условиях бурного развития ИКТ. *Энтузиасты виртуальной реальности* создали модель информационной экономики будущего, в основу которой положены *пиринговые одноранговые сети*, где люди могут использовать криптовалюты, заменяя ими кредитные деньги и банковскую систему, которая их эмитирует. Анархо-либертарианские представления пронизаны визионерством футуризма, в котором нет места иерархии денежно-кредитных и бюджетно-фискальных институтов, контролируемых государством. Создается футурологический образ рынка, отличающийся от эмпирической действительности. Открывается дорога к спекулятивному системосозиданию.

Поступила в редакцию 20.03.2020